

Любимые поэты

**РИММА
КАЗАКОВА**

Ты меня любишь

**Москва
Издательство АСТ**

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
К14

Дизайн серии *Анны Якуниной*
Составитель *Евгений Таран*

Издательство благодарит Марию Радову
за помощь в работе над книгой

К14 **Казакова, Римма Федоровна.**

Ты меня любишь / Римма Казакова. —
Москва : Издательство АСТ, 2026. — 224 с. —
(Любимые поэты).

ISBN 978-5-17-183989-5

«Я счастлива, потому что иду дорóгой, предназначенной мне», — говорила Римма Казакова.

Она была и остается одним из самых лиричных и любимых поэтов.

Люди видели в ней не только большого творца, но и большого человека, и шли к ней за советом, за помощью и просто за разговором. Да и ее стихотворения необычайно располагали к этому — откровенные, понятные, про те же печали и радости, что и у всех. И конечно, про любовь. «Ненаглядный мой», «Ты меня любишь», «Мадонна», «Обручальная ночь», «Музыка венчальная», «Звездный мост» стали знаменитыми песнями.

Этот сборник открывает двери в мир поэта, для которого стихи были и личной исповедью, и отражением эпохи страны, и «неравнодушием к миру», и вечной женственностью.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-183989-5

© Казакова Р.Ф., наследники, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Из книги «СТИХИ»

1962

* * *

Мы молоды. У нас чулки со штопками.
Нам трудно. Это молодость виной.
Но плещет за дешевенькими шторками
бесплатный воздух, пахнувший весной.

У нас уже – не куклы и не мячики,
а, как когда-то грезилось давно,
нас в темных парках угощают мальчики
качелями, и квасом, и кино.

Прощаются нам ситцевые платьца
и стоптанные наши каблучки.
Мы молоды. Никто из нас не плачется.
Хохочем, белозубы и бойки!

Как пахнут ночи! Мокрым камнем, пристанью,
пыльцой цветочной, мятою, песком...
Мы молоды. Мы смотрим строго, пристально.
Мы любим спорить и ходить пешком...

Ах, не покинь нас, ясное, весеннее,
когда к нам повзросление придет,
когда другое, взрослое везение
нас по другим дорогам поведет.

От лет летящих никуда не денешься,
но не изменим первым «да» и «нет».
И пусть луны сияющая денежка
останется дорожке всех монет.

Жизнь — наковальня. Поднимайте молоты!
На молодости — главные дела.
Мы молоды. Мы будем вечно молодо
смотреться в реки, в книги, в зеркала...

* * *

Люблю сидеть у дымного костра,
Где закипает говорливый чайник,
Где можно петь и греться до утра,
Где сам себе хозяин и начальник.
Где, коль пошутишь, — дружно посмеются,
А если помолчишь, то не осудят.
Где кипяток не наливают в блюдца,
Серебряными ложками не студят.
Где сладок хлеб, соленый, сыроватый,
Сладка уха без всякой там приправы,
Где в двух шагах вздыхает лес лохматый,
Шумит река и сонно никнут травы.
Где обгорелым тоненьким прутом
Березовые угли вороша,
В который раз подумаешь о том,
Что жизнь и вправду очень хороша!
Все хорошо: и песни, и работа,
И право у костра встречать рассвет,
И даже эти поиски чего-то,
Чего на деле, может быть, и нет...

* * *

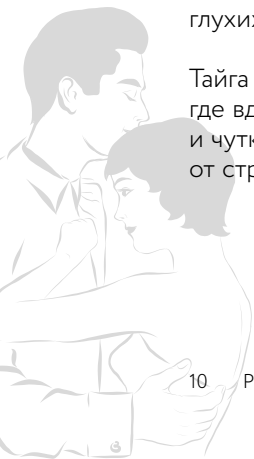
Тайга строга. В тайге не плачут —
вдали от самых дорогих.
А если плачут, слезы прячут,
спокойно помня о других.

В тайге не лгут и не воруют —
нельзя: себе и у себя.
Тайгой идут. В тайге воюют.
Поют, простуженно сипя.

В тайге за все в ответе сами,
за все в тревоге наперед,
сквозь зиму честно тащат сани
и лето переходят вброд.

Тайга с безмерными вещами,
с добром, чей мед всегда горчайш,
с энцефалитными клещами,
с тысячеветными хвощами,
с тысячеверстыми плащами
глухих тысячеглазых чащ.

Тайга с прохладными устами,
где вдруг сквозь марь блеснет алмаз
и чуткий лось рога оставит,
от страха в бурелом ломясь...

Тайга, где тонут,
где не стонут,
до крови ноги разодрав,
где все — до капли — жизни стоит,
где надо все еще построить
над омутом дремучих трав!

Тайга, ты дом наш. Грубо, трудно
и безоглядно дорога.
Ты не для труса, не для трутня,
ты — для работника, тайга.

Деремся из-за каждой пяди.
И вот, багульником дыша,
через безглазье белых пятен —
твои распутанные пряди
и расколдованные пади
и — настезь вся твоя душа!

* * *

От первого лепета
до последнего дня
у меня, как у лебедя,
песня
одна.

Лесным колокольчиком
звонит и звонит.
Горячо, неоконченно
рвётся в зенит.

Ликую ли, сетую,
с плеча ли рублю,
земля моя светлая,
ты слышишь?
Люблю!

* * *

Солдаты греют руки у огня.
Чуть потеснились,
пропустив меня,
чуть улыбнулись
с незаметной той,
почти святой
солдатской добротой.

Она идет им,
строгим, молодым.
А над печуркой —
синеватый дым,
а над дымком —
вечерний небосвод,
а рядом вот
молчит усталый взвод.

На лицах —
первый робкий след весны,
а руки зарубелые
красны,
а голоса простуженно хрипят,
и сапоги промокли у ребят.

Был бой.
Пусть невзаправдашний —
но бой.
С ночной тревогой,
маршем
и стрельбой.

Они об этом не расскажут мне.

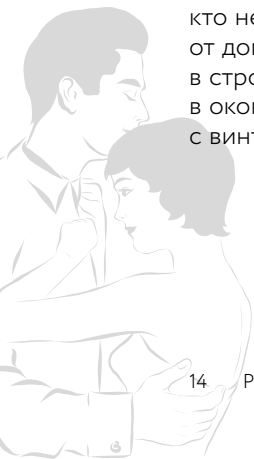
Пошутят:

«На войне — как на войне...»

А я опять задумаюсь о тех,
в чьей жизни нет
больших суровых вех,
кто, если и служил, не так служил,
не так дружил,
не так на свете жил.

И вспомню я другой,
не этот круг,
где нет ни этих лиц,
ни этих рук,
где ни солдатской чистой доброты,
ни этой высоты,
ни простоты.

Я вспомню всех,
кому пришлось легко,
всех,
кто не мерз
от дома далеко,
в строй не вставал,
в окопах не бывал,
с винтовкой по земле не кочевал.

Всех,
позабывших,
что они в долгу
у отделений, спящих на снегу,
у тех, кому на пост, кому в наряд,
у этих вот молоденьких ребят.

Солдаты греют руки у огня.
И все теплей на сердце у меня
Все ближе ночь.
Все гуще темнота.
...А я уже не та,
совсем не та.

